

И потому Пушкин не мог даже по ошибке назвать Бунину в числе участников празднества 23 сентября. Он имел в виду другое лицо. Мы можем назвать его по мемуарам Ф. Ф. Вигеля, весьма осведомленного в закулисной литературной жизни 1810-х годов.

Вигель рассказывал о вечере в доме петербургского гражданского губернатора М. М. Бакунина, «когого супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надела венки на счастливого автора»⁴. Эти сведения были совершенно точны.

Варвара Ивановна Бакунина, урожденная Голенищева-Кутузова, сама писательница, была в ближайшем родстве с одним из злейших врагов Карамзина и карамзинистов. Еще в девятые годы XVIII века Павел Иванович Голенищев-Кутузов писал на Карамзина памфлеты, осуждающие «слезливость» и якобинский яд, а затем памфлеты сменились прямыми доносами. Молодые карамзинисты испытывали к нему неприязнь, граничившую с ненавистью.

Варвара Ивановна не могла не радоваться временному торжеству партии брата. К тому же она была давним и преданным другом самого автора «Лицейских вод» — Шаховского. Через много лет стареющий драматург напишет свои воспоминания в форме писем к ее дочери, которой завещает все свои литературные труды и архив⁵. Именно здесь, в семействе Бакуниных, могла возникнуть мысль наградить лавровым венком друга семьи в момент победы над литературными противниками.

Эта история, широко известная в столице, и получила отражение в пушкинском лицейском дневнике, в записи от 28 ноября 1815 года, которую следует читать: «Ш<ишко>, в и г-жа Б<акуни> на увенчали недавно кн.<язя> Шаховского лавровым венком...».

Стоит заметить, что исследователи, занимавшиеся историей «Арзамаса», вплотную подходили к такому чтению. Так, Ц. С. Вольпе, редактор превосходного двухтомного собрания стихотворений Жуковского в доверенной «Библиотеке поэта», рассказывая об этом эпизоде, приводил свидетельство Вигеля⁶. В примечании он цитировал пушкинскую запись. Существуют экземпляры книги, в которых набрано: «Шишков и г-жа Бакунина...».

В большинстве же экземпляров этого издания стоит «Бунина», и при внимательном разглядывании видно, что это типографское исправление в уже сверстан-

ной строке. Исследователь не решился изменить текст, который считал пушкинским, хотя бы и содержащим ошибку.

Он был бы совершенно прав, если бы дело обстояло именно так. Но это была ошибка не Пушкина, а его издателей, и мы обязаны ее устранить.

Впервые: Русская речь. 1991. № 5.

¹ Пушкин. Т. 12. С. 295.

² Там же. Т. 1. С. 161.

³ Российский музей. 1815. № 9.

⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 172.

⁵ См.: Осьмакова Н. И. Бакунина П. М. // Русские писатели: 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 144.

⁶ Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1939. Т. 1. С. XXIII.

Загадочная эпиграмма Пушкина

1

В числе лицейских эпиграмм Пушкина, этих проб сатирического пера будущего виртуозного мастера эпиграмматического жанра, мы находим одну, не поддающуюся сколько-нибудь убедительному толкованию. Она была напечатана Пушкиным в первом номере журнала «Российский музей» за 1815 год, под анаграммой «I...14—16», что в переводе на буквенные обозначения читалось: «А...н—П», т. е. «А(лександр) н(икшу)П»: такой подписью Пушкин пользовался в сентябре — октябре 1814 года¹.

Текст ее гласит:

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
Мы ждали драму золотую.

И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

Смысл эпиграммы понятен; но конкретные обстоятельства, вызвавшие ее, от нас ускользают. Нельзя даже поручиться, что юный эпиграммист имел в виду какое-то определенное лицо и определенный эпизод театральной жизни Петербурга 1814 года. Драма, вызывающая жалость не к герою, а к автору, — такой сатири-

ческий сюжет был весьма обычен. Позднее Пушкин скажет, что «переведенное остроловие — плоскость»², но в лицейские годы он сам отдавал дань широко распространенному обычаю переводить чужое остроумие, — и не без пользы для себя и для литературы: в изящных миниатюрных безделках оттачивался язык, появлялись афористические формулы, становились привычными лаконизм выражения и аттическая соль. Сам Вольтер, не имевший нужды в заемном остроумии, не гнушался переводить эпиграммы, не говоря уже о бесчисленных мастерах «антологического рода поэзии», которыми была столь богата французская словесность XVII—XVIII веков.

Эту традицию нельзя сбрасывать со счетов, — и все же конкретный адрес здесь вероятнее: в противном случае вся эпиграмма и более всего «Арист» становились искусственными до беспомощности. Придумать фигуру поэта, обещавшего поразить зрителей небывалой трагедией, описать ожидание поверивших ему на слово и затем посмеяться над неудачей, — все это не стоило труда. Иное дело, если за всем этим стояла некая реальность.

Кажется, только М. А. Цявловский, написавший обширный комментарий к лицейской лирике Пушкина, попытался осторожно и предположительно назвать адресата пушкинской эпиграммы. Он исходил из того, что эпиграмма написана на трагедию, бывшую в 1814 году новинкой на петербургской сцене, и что лицеисту Пушкину, по-видимому, были известны какие-то театральные толки, предшествовавшие ее появлению в свет, — а, может быть, был известен и сам автор. Поэтому он остановился на трагедии П. А. Корсакова «Амбоар и Ореңгцеб, или Нашествие моголов», в пяти действиях, в стихах с хорами, поставленной впервые в Петербурге 24 апреля 1814 года. По свидетельству хрониста русского театра Пимена Арапова, трагедия эта не имела большого успеха³. Сейчас, располагая полным репертуаром театральных постановок, мы можем утверждать, что она прожил на петербургской сцене несколько месяцев: ее ставили 22 мая, 17 июля, 17 сентября и после этого не возобновляли⁴.

Пушкин мог обратить внимание на судьбу этой постановки хотя бы потому, что он знал — лично или заочно — автора трагедии. Петр Александрович Корсаков (1790—1844) был братом Николая Корсакова, лицеис-

та, однокашника Пушкина; он служил в это время в театральной дирекции, был довольно плодовитым драматургом и переводчиком и поддерживал связи с лицеистами: несколько позднее он станет публиковать стихи Пушкина в своем журнале «Северный наблюдатель». Через много лет Пушкин будет с благодарностью вспоминать дружеские попечения Корсакова. Но в 1814 году он вполне мог написать эпиграмму на «Амбоара и Ореңгцеба», — и М. А. Цявловский высказал такую гипотезу в именном указателе к отредактированному им первому тому так называемого «большого академического издания» Пушкина. Под именем «Корсаков П. А.» мы читаем: «Арист»; «Амбоар и Ореңгцеб» — «трагедия такая, что все от жалости в театре заревут». Как мы говорили уже, исследователь был осторожен и против имени Корсакова поставил в скобках вопросительный знак, подчеркнув предположительность своей расшифровки⁵. Оснований для сомнения у него было достаточно: о предыстории постановки нам ничего не известно, а стало быть, неизвестно и то, в какой мере ей соответствовала ситуация, обрисованная в пушкинской эпиграмме.

Между тем, если мы внимательно посмотрим уже упоминавшуюся репертуарную сводку Т. М. Ельницкой, мы сможем найти постановку, относящуюся тоже к 1814 году, история которой поразительно совпадает с тем, что написал Пушкин о «драме» «Ариста».

2

21 сентября 1814 года в Петербурге состоялась премьера трагедии В. В. Капниста «Антигона».

Это был дебют на трагической сцене уже стареющего, маститого поэта, знаменитого автора «Ябеды». Трагедию его ждали; Капнист работал над ней давно. Еще в 1809 году он писал Н. И. Гнедичу, что «сделался из комедиописателей плачевным трагиком»⁶. В 1812 году он посылал текст В. А. Озерову, Г. Р. Державину и А. С. Шишкову для прочтения и критики. Как реагировали двое последних, мы не знаем; Озеров же дал критический отзыв. Затем началась война, и театральные дела были отложены надолго, — но весной 1814 года стали говорить о готовящейся постановке. Знаменитая трагическая актриса Екатерина Семенова заинтересовалась

ролью Антигоны и даже, как сообщал Капнист в майских письмах Гнедичу и жене, «выпросила» ее «в бенефис»⁷.

В Петербурге «ждали драму золотую» Ариста-Капниста.

«Все от жалости в театре заревут»... В 1804 году Капнист приветствовал восходящую звезду Озерова. Когда был поставлен «Эдип в Афинах», Капнист напечатал послание «Владиславу Александровичу Озерову», где были строки, почти повторенные в пушкинской эпиграмме:

Ты дал почувствовать отрадным слез потоком,
Который из очей всех зрителей извлек,
Что к сердцу близок нам несчастный человек...⁸.

Об этом послании Пушкин мог и не вспомнить, но он знал, что «классик» Капнист не чужд новым веяниям — эстетике «чувствительности». Трагедия Озерова была для него образцом. «...В трагедии моей, — писал он в предисловии, — много почерпнуто из сочинений г-на Озерова; в сем явном похищении я отнюдь не извиняюсь, ибо принужден к тому был невольным наизусть вытверживанием прекрасных его стихов, которые неприметно втеснились между моих и делали меня вором»⁹. Предисловие, впрочем, Пушкин знать не мог: оно не было напечатано, как и сама трагедия; в 1814 году ее можно было только увидеть и услышать.

Но, может быть, Пушкин даже и не видел трагедии, а откликался на печатные отзывы и театральные толки. Скорее всего, так оно и было: в Лицее шли занятия, и в сентябре — октябре приехать на спектакль в Петербург было практически невозможно.

«Антигона» была поставлена вторично 8 октября и сошла со сцены.

В 39 номере «Сына отечества» за 1814 год (24 сентября) появилась критическая рецензия.

Капнист был огорчен, но сумел победить авторское самолюбие и сам написал три автоэпиграммы на «Антигону» и даже напечатал их в следующем номере того же «Сына отечества». В одной из них он, по существу, говорил о провале постановки:

Хотя б никто не знал из целого партера,
Кем в Антигоне нам
Представлена в урок лирическим певцам
Одна холодная трагическа химера,

То б общий и согласный свист
Всем доказал, что то Капнист¹⁰.

Этот жест самоотвержения не спас поэта от безжалостных критиков. В следующем, уже 41 номере «Сына отечества» появилась за подписью «Н. Н.» эпиграмма на эти эпиграммы:

Арист, прежалкую скомпоновавши драму,
С досады на нее в свет выдал эпиграмму.
Друзья! поплачьте вы об нем:
Сам на себя, бедняжка, поднял руки.
Пустое! это штуки!
Он режется тупым ножом!

Легко заметить прямую связь ядовитого выпада «Н. Н.» с интересующей нас пушкинской эпиграммой. Анонимный сочинитель пользуется тем же прозрачным литературным именем «Арист», созвучным подлинной фамилии автора «Антигоны», и начинает свою эпиграмму формулой, которая заключает пушкинский текст, образуя в ней эпиграмматическую «пуанту», острое, центр.

Мы вправе предположить, что юный поэт с сатирическим складом ума отправляется в своей эпиграмме от текста неизвестного «Н. Н.». Сорок первый номер «Сына отечества» вышел 8 октября; номер «Российского музея» с пушкинской эпиграммой был цензурирован в конце декабря 1814 года. Этот журнал, в отличие от «Сына отечества», издавался в Москве, и если стихи Пушкина подоспели, скажем, к декабрю месяцу, стало быть, они были написаны не позднее ноября. К этому времени эпиграмма «Н. Н.» Пушкину должна была быть известна.

Это предположение кажется наиболее естественным и легким, — однако сразу вызывает целую цепь вопросов.

Прежде всего: если эпиграмма «Н. Н.» была источником пушкинской, то нужно признать, что к этому источнику Пушкин ничего не добавил, а лишь перефразировал его, и притом довольно беспомощно. Он сделал центром своей эпиграммы то, что «Н. Н.» сообщил мимоходом, как нечто общеизвестное — что «Арист» сочинил «прежалкую драму». Но этого мало: он вернулся к тому этапу всей этой театральной эпопеи, которая уже перестала быть актуальной и сменилась новыми эпизодами, привлечшими внимание петербургских любителей театра: автоэпиграммами Капниста. На них-то и реаги-

ровал неизвестный нам «Н. Н.» как на последнюю новинку театральной и литературной жизни.

В этих условиях парафраза Пушкина выглядела ко всему прочему и безнадежно запоздалой.

Все эти сомнения и затруднения, как нам кажется, разрешаются другой гипотезой, на первый взгляд, неожиданной.

Хронология публикации двух эпиграмм не совпадала с хронологией их написания. Первой была написана эпиграмма Пушкина — немедленный отклик на постановку «Антигоны». Эпиграмматист, скрывшийся под инициалами «Н. Н.», был вторым. Он знал эпигramму Пушкина еще до печати и не перефразировал ее, а цитировал. Он сообщал читателю, что «Арист», написавший «прежалкую драму», теперь пытается поправить свою пошатнувшуюся репутацию.

Такие «цепочки эпиграмм», продолжающих одна другую, были в ходу в лицейской среде. Когда поэтесса Е. Н. Пучкова напечатала в 1816 году в «Русском инвалиде» свое послание на смерть Державина — «Деве ли робкой Арфой незвучной Славному барду Песнь погребальну — Деве ль бряцать?» — лицейские поэты сплели ей целый венок эпиграмм. Начал, по-видимому, Пушкин:

Зачем кричишь ты, что ты *дева*
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, левница Ева,
Хлопочешь ты о женихе

Вторая эпиграмма — также пушкинская — касалась несколько неожиданного для «девы» печатного органа, со страниц которого она обратилась к читателям:

Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу *инвалидам* 11.

Далее в обсуждение животрепещущей проблемы включился «Олосинька» — Алексей Илличевский, при- сяжный эпиграммист первого выпуска:

— Зачем об инвалидной доле
Моя Пучкова так тужит?
Она сама в прелестном поле
Ведь заслуженный инвалид 12

Здесь почти тот же тип связи текстов, какой мы видели в двух эпиграммах на «Ариста»: более поздняя опирается на более раннюю, отправляется от уже найденных формул, продолжая и развивая их. Если мы внимательно перечтем лицейскую сатирическую продукцию, мы убедимся, что такая практика была обычной, и что случай с Пучковой — лишь один из примеров. Несколько эпиграмм было написано на С. А. Тучкова, генерала и плодовитого литератора; в нескольких текстах предстает перед нами в сатирическом облачении лицейский преподаватель С. С. Фролов... Венцом этой эпиграмматической деятельности была целая сатирическая антология «Жертва Мому», составленная в 1814 году и посвященная Кюхельбекеру. Она сохранилась, переписанная пушкинской рукой; лучшие эпиграммы в ней принадлежали Пушкину и Илличевскому 13.

Среди лицейских эпиграмм на Кюхельбекера мы находим одну, в которой мелькает строчка, читанная нами в эпиграмме неизвестного «Н. Н.»:

Клит бросился в реку. Поплачьте о поэте:
Не пережил он чад, давно утопших в Лете 14.

«Поплачьте о поэте» и «Друзья, поплачьте вы об нем» — варианты единой мысли и единой формулы, едва ли не автореминисценция. Она лишний раз привязывает сочинителя эпиграммы на «Ариста» к лицейскому поэтическому кружку. И здесь имя Илличевского — первое, которое приходит на память. В 1814 году он уже вполне владел поэтической техникой и в особенностях в малых жанрах; он упражнялся в эпиграммах — и не без успеха; он вступал в поэтическое соперничество с Пушкиным, принимал с ним вместе участие в эпиграмматических циклах, переписывал его стихи в составленную им лицейскую антологию и даже иной раз — очень редко — редактировал его эпиграммы.

Но здесь цепь наших гипотез должна окончиться признанием, что мы очень мало знаем о литературной жизни пушкинского времени. Нам неизвестны случаи выступления лицеиста Илличевского в «Сыне отечества»; более того, эпиграмма «Н. Н.» на Ариста-Капниста не фигурирует ни в одном сборнике лицейских стихов. Конечно, Илличевский мог скрывать, что он — автор злой эпиграммы на уважаемого (в том числе и в лицее) поэта, — но может быть, он в самом деле им не был, и

самая история пушкинской эпиграммы на Ариста выглядит несколько иначе, чем представляется нам сейчас.

Впервые: Русская речь. 1992. № 3.

- ¹ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 85—87.
- ² Пушкин. Т. 12. С. 279.
- ³ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 220.
- ⁴ Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка//История русского драматического театра. М., 1977. Т. 2. С. 453.
- ⁵ Пушкин. Т. 1. С. 508.
- ⁶ Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 455.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 486—487.
- ⁸ Там же. Т. 1. С. 182.
- ⁹ Там же. С. 447.
- ¹⁰ Там же. С. 209.
- ¹¹ Пушкин. Т. 1. С. 203, 297.
- ¹² Грот К. Пушкинский лицей: (1811—1817). СПб., 1911. С. 154.
- ¹³ Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 466—476.
- ¹⁴ Русская эпиграмма: XVIII — нач. XX в. Л., 1988. С. 346.

Тень зари

Это странное и красивое сочетание, которое Владимир Ходасевич назвал даже «непостижимым»¹, встречается у Пушкина только в применении к Наполеону:

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший как сон, как тень зари.

Недвижный страж дремал
на царственном пороге... 1824

Рядом с этим наброском стоит другой, того же 1824 года. В нем нет «тени зари», но образ как бы подсказан глагольной семантикой:

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

В обоих отрывках единый ход мысли: «всадник», исчезнувший, «как тень зари», отмечен печатью избранничества. На нем лежит отсвет не то божественного, не то

инфернального происхождения. Он явился — неизвестно откуда и непонятно, по чьему велению.

Образ повторяется в «Герое» (1830):

...пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

И еще раз — в отрывках X главы «Онегина»:

Сей муж судьбы, сей всадник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, Папою венчанный,
Исчезнувший, как тень зари...

Глубинная ассоциация, быть может, неосознанная, связывает воедино поэтические темы. В русской поэзии периода Отечественной войны была обычной апокалиптическая трактовка фигуры Наполеона. Державин в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества» изображал императора как «зверя из бездны», «в плоти седьмглавого Люцифера», отмеченного «звериным числом 666». Еще в Лицее Пушкин пародировал эти места державинского гимна:

«Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер...»

Тень Фовизина, 1815

Но именно сравнение Наполеона с Люцифером кое-что проясняет в загадочном пушкинском образе.

Люцифер — «Светоносец» — дьявол, падший ангел, воплощение сил зла — и одновременно название утренней звезды. Это смешение возникло в теологической традиции по недоразумению. В книге пророка Исайи (XIV, 12) есть слова, обращенные к фараону: «Како спаде с небесе денница восходящая заутра», — в современном переводе: «как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы». Эти слова были ошибочно истолкованы как адресованные Сатане, «упадающему с неба» в преисподнюю. Так в средневековой демонологии появился дьявол в облике прекрасного юноши, обозначаемый именем «Денница», «сын зари», «утренняя звезда».

В «Кайне», мистерии Байрона, Люцифер говорит Аде, что звезда, приветствующая утро, влечет взоры смертных в голубом предрассветном сумраке, что она заслу-